

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

Редакция ИЭНЖ по-своему решила отметить предстоящий юбилей великого русского поэта, помещая в данном номере статью о нем, написанную выдающимся экономистом П. Б. Струве. И в дальнейшем мы собираемся знакомить читателей журнала с публикациями русских экономистов, выходящими за «узкие» рамки их профессиональных интересов.

П. Б. СТРУВЕ

«НЕИЗЪЯСНИМЫЙ» И «НЕПОСТИЖНЫЙ»*

(Из этюдов о Пушкине и Пушкинском словаре)¹

Пушкин ясен во всем многообразном смысле этого прекрасного русского слова. Он — ясный день и он — ясный сокол. Он живой и могучий образ творческой гармонии и ясности, он — красота и мера. Пророчески-ободрительно и в то же время на всех деятелей русской культуры налагает величайшую ответственность, что в начале русской подлинно национальной, самобытной литературы стоит этот спокойный великан ясной и мерной красоты².

А в то же время какое было любимое понятие и слово у ясного Пушкина?³

Для Пушкина «небо блещет неизъяснимой синевой»⁴. Значит, для него и в глубине спокойной и ясной небесной тверди есть что-то, при всей яркости и блеске, неизъяснимое, таинственное. Но и в глубинах человеческой души, с ее смятениями и волнениями, скрываются для взора поэта те же неизъяснимые, таинственные вещи:

«Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог.
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.
Итак — хвала тебе, чума!»

(«Пир во время чумы» 1830 г.)

* Настоящая статья перепечатана из: Вестник русского студенческого христианского движения / Париж-Нью-Йорк: Инка-Пресс, 1970. № 95-96. С. 177-185.

Или:

В свое время я
русском литературно
нимый», мистически
Карамзина я привел
русским упорством

Но первый авто
Державин. В его зн

Тут рядом два п
связывать с Пушкин

Остановимся по
Слово «неизъяс
французского *ineffable*
ческого *αρητος*»⁶)

Французский я
поздней латыни и,
густина и церковно
его заимствовала во
ности та, к которой
подлинная сокрови
ческих речений, ко

И вот что при
яснимый, непостиж

Или:

«Оставил я людское стадо наше,
Дабы стеречь ваш (богов. — П. С.) огонь уединенный,
Беседуя один с самим собой...
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают нам знать сердечну глубь,
В могуществе и в немощах сердечных
Они любить, лелеять научают
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат —
Чтить самого себя».

(Набросок 1829 г.).

В свое время я уже указал, что едва ли не Карамзин укоренил в русском литературном языке это любимое пушкинское слово «неизъяснимый», мистически характерное для величайшего русского гения. Из Карамзина я приведу один только поздний пример. О побежденных русским упорством и русской зимой французах Карамзин пишет:

«Как в безднах темной Адской сени
Толпятся осужденных тени,
Под свистом лютых Эвменид:
Так сонмы сих непобедимых,
Едва имея жизни вид,
В страданиях неизъяснимых
Скитаются среди лесов;
Им пища лед, им снег покров»⁵.

(1814 г.).

Но первый автор, у которого я встретил слово «неизъяснимый», — Державин. В его знаменитой оде «Бог» есть стих:

«Неизъяснимый, непостижный».

Тут рядом два прекрасных русских речения, которые мы привыкли связывать с Пушкиным.

II

Остановимся пока на первом из этих речений.

Слово «неизъяснимый» есть не столько перевод, сколько передача французского *ineffable*, которое в свою очередь есть уже перевод греческого *αἰρητός* ⁶).

Французский язык слово *ineffable* заимствовал (или удержал) из поздней латыни и, в частности и в точности, из языка Блаженного Августина и церковного поэта Пруденция⁷. А от Августина и Пруденция его заимствовала вся средневековая латинская литература, и в особенности та, к которой прилагается наименование «схоластической», эта подлинная сокровищница и мастерская самых сильных и самых поэтических речений, которыми располагает человечество.

И вот что примечательно: державинские эпитеты Бога: «неизъяснимый, непостижный», именно в этом сочетании одного рядом с дру-

гим, мы находим не у кого иного, как у Декарта, который склеил: «*Dieu est ineffable parce qu'incomprehensible*»⁸. Декартовское же словосочетание надлежит возвести к словоупотреблению схоластическому и святоотеческому, в свою очередь опирающемуся на понятия и выражения греческой философской литературы⁹.

Но уже после того, как я ознакомился с сопоставлениями «Схоластико-картезианского Указателя» Жильсона, мне удалось установить, что декартовская формула уже на французском языке была предвосхищена Жаном Антуаном де Баифом (*de Baif*), одним из «Плеяды», умершим за семь лет до рождения Декарта:

Dieu donques est Dieu l'ineffable
Dieu que nul mortel ne conçoit¹⁰.

Формулировка Декарта, может быть, является прямой «реминисценцией» из де-Баифа, и весьма возможно, что такую же «реминисценцию» мы находим и у Державина. Правда, в эпоху, когда развивался и действовал Державин, французская поэзия XVI века, с Ронсаром во главе, и в самой Франции находилась в незаслуженном забвении (и это продолжалось до Пушкина и отразилось на нем, см. его отзыв о Ронсаре), но ведь французские поэты-гуманисты XVI века были не только поэтами своего народа и века, но и выразителями целой культурной эпохи, основной капитал которой, изучение и восприятие эллинско-римской культуры во всем ее объеме¹¹, в известной мере перешел по наследству к XVII веку с так наз. «ложным классицизмом» и к его преемнику, веку XVIII. Во всяком случае, книжные источники и литературные образцы державинской оды «Бог» и всего его творчества подлежат еще систематическому обследованию.

III

В отличие от эпитета «неизъяснимый», «непостижный» есть слово церковное и внесено в русскую литературную речь прямо из языка церковно-славянского (оно встречается и теперь в языке богослужения. Ср. древнейшие ссылки *sub vocibus* в Словарях Востокова и Миклошича, а также словари Памвы Беринды и Федора Поликарпова).

У Пушкина в стихотворениях это слово встречается, кажется, один раз (в прозе, кажется, вовсе не встречается):

«Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму —
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему».

(«Сцены из рыцарских времен», 1836 г.).

В первоначальном, более раннем наброске этого стихотворения соответствующие две строчки имели, по-видимому, такой вид:

Эпитет «непостижного»¹². К началу 30-х годов по собственным воспоминаниям 1752 г. Вестфальского Тредьяковского натовского зительного слова, какия истории литературы сопоставить словарь с определениями которого по зрелости точно удос что эпитет «непостижного» несколько позже и у и форма «непостижного» Ростовского и тут и

Таким образом, ходит к его отдален и Тредьяковскому. Ломоносову и Державину Пушкиным Тредьяковский теперь принято осмысления Пушкин пошел даже ского приносит бол писателей»¹⁵. С эти неправ в отношении признать, что Тредьяковским в истории русско ности. В частности, су Пушкина к этому самого тщательного он является подлин которая вовсе не бы сам Пушкин, предл зданием русского « Тредьяковского над Радищеву, в особен тности и бессмерти

Для всякого н мысли, слово есть полновесно и жизни

Так и у Пушкина бокого смысла. Мо русскому слову-пов смысл. Из отрицате на и из неопределен его в слово, обознача кого познания и р мистическую основ

«Он имел одно виденье Непонятное ему».

Эпитет «непостижный» встречается нам прежде всего у Тредьяковского¹². К началу 30-х годов относится изучение Пушкиным Тредьяковского по собственному пушкинскому экземпляру издания его стихотворений 1752 г. Весьма возможно, что именно это свежее изучение Тредьяковского натолкнуло взор и слух такого любителя и мастера выразительного слова, как Пушкин, на эпитет «непостижный». С точки зрения истории литературного языка было бы вообще весьма поучительно сопоставить словарь Пушкина со словарем Тредьяковского, с произведениями которого пристальное знакомство Пушкина в пору его полной зрелости точно удостоверено. Правда, мы должны тотчас же заметить, что эпитет «непостижный» мы находим не только у Тредьяковского, но несколько позже и у Ломоносова¹³; у последнего встречается, кроме того, и форма «непостижимый» (в надписи 1754 г. на раку Св. Димитрия Ростовского и тут именно — как эпитет Бога).

Таким образом, в наших двух эпитетах словарь Пушкина явно восходит к его отдаленным предшественникам: к Державину, Ломоносову и Тредьяковскому. Не будем здесь говорить об отношении Пушкина к Ломоносову и Державину; отметим, что относительно высокая оценка Пушкиным Тредьяковского, которого и в те времена осмеивали, да и теперь принято осмеивать, не читая, навеея была Радищевым¹⁴. Но Пушкин пошел даже дальше Радищева, сказав, что «изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей»¹⁵. С этим можно не соглашаться: Пушкин был исторически неправ в отношении Сумарокова и его языка, но в то же время нельзя не признать, что Тредьяковский в самом деле был замечательным явлением в истории русской образованности вообще и русского языка в особенности. В частности, в отношении словаря Тредьяковский — и по интересу Пушкина к этому словарю и по другим основаниям — заслуживает самого тщательного исторического изучения: как я покажу в другом месте, он является подлинным творцом русской философской терминологии, которая вовсе не была и в пушкинское время столь молода, как думал сам Пушкин, предлагая кн. П. А. Вяземскому заняться работой над созданием русского «метафизического» языка¹⁶, — в истории его после Тредьяковского надлежит отвести значительное место не кому иному, как Радищеву, в особенности, как автору трактата «О человеке, о его смертности и бессмертии».

IV

Для всякого настоящего художника, творца образов или творца мыслей, слово есть не внешнее орудие, а носитель живого смысла. Оно полновесно и жизненно.

Так и у Пушкина. Речение «неизъяснимый»¹⁷ исполнено у него глубокого смысла. Можно даже сказать, что именно Пушкин придал этому русскому слову-понятию его углубленный, всеобъемлюще-мистический смысл. Из отрицательного эпитета (Бога), т.е. из богословского термина и из неопределенно-чувствительного определения, Пушкин превратил его в слово, обозначающее какую-то предельную для ясного человеческого познания и разумения таинственную черту и тем указующее на мистическую основу бытия, как такового.

Тут на этом примере видно, как изучение словаря писателя приводит не только к установлению смысла отдельных употребляемых им слов, но и к истолкованию существенных мотивов его творчества. Сдержанное и стыдливое, далекое от всякой сентиментальности, признание таинственности всякого и всего бытия, есть столь же основная и могущественная стихия пушкинского творчества, как и «классическая» ясность его художественного восприятия и строгая четкость его художественных образов. Более того, обе эти стихии в Пушкине со-относительны и со-размерны. Чем яснее и отчетливее видит, чем красочнее пишет, чем выпуклее лепит Пушкин, тем более близко и более властно подводит он нас к черте, за которой лежит неизъяснимое и начинается тайна.

Пушкин, поэтому, не классик и не романтик в общепринятых смыслах этих обозначений. Рисунок Пушкина точен, его лепка строга и выразительна — без холодности «классицизма». Его краски яркие, его фантазия богата, его чувствительность¹⁸ (если это слово применимо к Пушкину) мужественна — он свободен от узорочной пестроты, от кричащих красок, от чрезмерности и расслабленности современного ему «романтизма».

Пушкин заодно пластичен и мистичен.
Он заодно ясен и неизъясним.

Белград, апрель 1929 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Пушкинский сборник», Прага, 1929, стр. 303. Памяти моего сына Льва — 3/16 января 1929 г.

² Я пользуюсь здесь и ниже некоторыми мыслями, выражениями и примерами из своей речи «Русская наука в истории русской культуры», произнесенной в 1921 г. на первом пражском съезде русских ученых и напечатанной в «Возрождении» от 7 июня 1926 г., и из своих «Заметок писателя: 3. Русский язык». — «Очистители и засорители» («Возрождение» от 29 апреля 1926 г.). Ср. также статью «Именем Пушкина» в «Возрождении» от 7 июня 1926 г.

³ Интересно было бы проследить употребление слова «ясный» у Пушкина. Но об этом в другой раз и в другом месте.

⁴
«Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет...»

(1827 г.).

⁵ «Освобождение Европы и Слава Александра I». В Смирдинском издании т. 1, СПб. 1848 г., стр. 238–254. Едва ли не последнее стихотворение Карамзина.

⁶ Словам *αρρητος* resp. *ανεχλαλητος* как и *ineffabilis*, собственно соответствуют славяно-русские речения «неизречен(ный)» и «неизглаголан(ный)». Ср. Словари Востокова и Миклошича. У этих слов, кроме первичного и буквального, есть вторичное, так сказать, углубленное значение, указующее на таинственность, мистичность. Такие же два значе-

ния прикрепились, «неизъяснимый».

⁷ Впрочем, впер-

⁸ По изданию А.

⁹ Этьен Жильсо 1913, где этот пер-
щаясь к книгам би-
карт, систематичес-
воания у схоласти-
30, 13, 1: non solum

¹⁰ Mimes, f 39 г,
ire de l'ancienne lang-
vose. Ж. А. де-Баиф
дипломата и гумани-
Де-Баиф-сын был м-
кую учебу у гумани-
лем и Ронсара. Ср. с
Ронсара и де-Баифа
1921.

¹¹ Ж. А. де-Баиф
и даже греческие, по
поэтическом творче-
писание латинских
tribuerunt esse scilicet
Платона, цитируемо-
гиста, цитируемого

¹² В оде XVI «П-
«Сочинения и пере-
стр. 97. Это произв-
в 1744 г. в СПб: «
через трех стихотво-
и перепечатанное А-
рии Императорско-
В переложении пса
«непостижный», ка-

¹³ Переложение
нему... и в помощь
звездами наполнив
широту» (цит. по
А. Ф. Маркса, под
Первоначально по
изд. 1748 г.

¹⁴ Говоря, что
щастливых оборот-
ли на дороге» 1833
Ломоносове как ви-
ическому витязю»
лина, под редакцией

ния прикрепились, во всяком случае со времен Пушкина, и к эпитету «неизъяснимый».

⁷ Впрочем, впервые это слово встречается, кажется, у Плиния Старшего.

⁸ По изданию Adam et Tannery, t. III., p. 284.

⁹ Этьен Жильсон (Gilson) в своем Index scolastico-cartesien, Paris, 1913, где этот первостепенный знаток средневековой философии, обращаясь к книгам библиотеки коллежа La Fleche, в котором учился Декарт, систематически прослеживает его словесные и идейные заимствования у схоластиков, отсылает (1. с. p. 146)) тут к Suarez Met. disp. 30, 13, 1: non solum sancti patres (quod in eis est frequentissimum).

¹⁰ Mimes, f 39 r, ed. 1597, цитировано у Frederic Godefroy. Dictionnaire de l'ancienne langue française. Tome X (Complement), Paris, 1902, sub voce. Ж. А. де-Баиф (1522–1589) — незаконный сын Лазаря де-Баифа, дипломата и гуманиста (род. 1496, †1547), ученика Иоанна Лас-кариса. Де-Баиф-сын был моложе Ронсара, но раньше его погрузился в греческую учебу у гуманиста Dorat (Auratus, †1588), который сделался учителем и Ронсара. Ср. о гуманизме «Плеяды» и об отношениях на этой почве Ронсара и де-Баифа у Pierre de Nolhac, «Ronsard et l'humanisme». Paris, 1921.

¹¹ Ж. А. де-Баиф писал стихи не только французские, но латинские и даже греческие, под конец своей жизни он разочаровался именно в своем поэтическом творчестве на французском языке и усиленно ударился в писание латинских стихов, *sed etiam philosophi hanc excellentiam Deo tribuerunt esse scilicet ineffabilem*. Далее у Суареца следуют ссылки на Платона, цитируемого св. Григорием Назианзином, и на Гермеса Трисмегиста, цитируемого св. Кириллом Александрийским.

¹² В оде XVI «Парафраз псалма 143: Благословен Господь Бог мой», «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою», том II, СПб, 1752 г., стр. 97. Это произведение было впервые напечатано в книжке, изданной в 1744 г. в СПб: «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные через трех стихотворцев» (Тредьяковского, Ломоносова и Сумарокова) и перепечатанное А. А. Куником в его «Сборнике материалов для истории Императорской Академии Наук в XVIII в.» ч. II, СПб, 1865 г. В переложении псалма 143 только у Тредьяковского встречается слово «непостижный», как эпитет Бога.

¹³ Переложение псалма 145: «Блажен..., кто себя вручает Всевышнему... и в помощь призывает живущего на небесах, несчетно многими звездами наполнившего высоту и непостижными делами земли и моря широту» (цит. по «Сочинениям М. В. Ломоносова в стихах». Издание А. Ф. Маркса, под редакцией Аре. И. Введенского, СПб, 1893 г., стр. 21). Первоначально появилось это переложение в «Риторике» Ломоносова, изд. 1748 г.

¹⁴ Говоря, что «в Тилимахиде находится много хороших стихов и щастливых оборотов, — Радищев написал о них целую статью» («Мысли на дороге» 1833–1834 гг., там же весьма отрицательное суждение о Ломоносове как поэте), Пушкин имеет в виду «Памятник дактилохорическому витязю» и т. д., перепечатанный теперь в издании В. М. Саблина, под редакцией В. В. Калаша, т. II, Москва, 1907 г., стр. 393 и сл.

¹⁵ Об отношении Пушкина к Тредьяковскому примечание Б. Л. Модзалевского к письму № 265 в его собрании «Писем» Пушкина, т. II. (СПБ. 1928 г.), стр. 274.

¹⁶ См. письмо от 1 сентября 1822 г.: «образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах». Ср. письмо от 13 июня 1825 года и примечание к этому письму Б. Л. Модзалевского.

¹⁷ Интересно было бы проследить употребление этого слова у других писателей, в стихах и прозе, после Державина и Карамзина, в особенности у Жуковского и Батюшкова. Но здесь мы этим не будем заниматься. Отметим только, что ближайший друг Пушкина и превосходный стилист П. А. Плетнев говорит в 1825 г. о «неизъяснимом» простодушии Хемницера и о «неизъяснимой» прелести «Кавказского Пленника» (Пушкина) — в том замечательном «письме к графине С. И. С. о русских поэтах», которое, едва ли не первое в печати, отдает должное гению и историческому значению Пушкина (напечатано в «Северных Цветах» за 1825 г., собранных бароном Дельвигом, изданных Иваном Олениным, стр. 24 и 43).

¹⁸ Именно этим словом Плетнев характеризует Пушкина в выше упомянутой статье-письме 1825 г. Ср. также полемику в том же году между князем П. А. Вяземским, в «Московском Телеграфе», и автором «Писем на Кавказ», в «Сыне Отечества», о чувствительности Жуковского и Пушкина. Ср. Б. Л. Модзалевский в примечании к письму № 144 в его собрании «Писем» Пушкина, т. I, СПб, 1926 г., стр. 436.

ИЗ ИСТОРИИ

«Драгоценный шевский биб время, кроме искусства, редк основным информа Библиотека эконо открытием Сибирско вание фонда начина уки о финансах», гл придавал библиоте торый из Москвы, и истории экономичес ту, а также различн ня сохраняется в ак

Библиотечный ф от Московского фин формированного Ир изданий из частных годы велась активна насчитывает около 50 и 2 абонемент. Введ первая среди вузовс всей библиотечной вую очередь вводятся составляет более 40

В библиотеке и отечественная, так послереволюционн но-европейской эко количество ценных Сытина, Маркса, В ти таких изданий на этот фонд был зако мещении, не отража началом перемен в работу с данным ф щен в другое помещ ставлен в инвентар

Нами разработа да. Это широкий с помощью учебному где экспонируется этих выставках-при торые отсутствуют